[57] Ср. пер. Н. Гнедича, ibid. 80–82:

Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской...

[58] Энеида VI, 893–896:

Двое ворот открыты для снов: одни роговые,
В них вылетают легко правдивые только виденья;
Белые створы других изукрашены костью слоновой.
Маны, однако, из них только лживые сны высылают.
(пер. Ф. Петровского).

[59] Одиссея XIX, 562–567:

Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят.
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
(пер. В.А. Жуковского).

[60] Ср.: *Макробий.* Коммент. I, 10, 9; *Цицерон.* О дивинации I, 30 (63).

[61] Энеида II, 604–606.

[62] См. примеч. 8.

[63] *Гай Лелий* (младший), консул 140 г., друг Сципиона, участник третьей Пунической войны, получивший от современников прозвище "Мудрый".

[64] *Цицерон.* О государстве VI, 8, 8.

[65] Сон Сципиона, VI, 13, 13 и VI, 16, 16. Цитаты из *Сна*, которые комментирует Макробий, даны в переводе В.О. Горенштейна (с небольшими изменениями) и выделены полужирным шрифтом.Ср.: *Цицерон.* Об обязанностях I, 57.

[66] Сон Сципиона VI, 11, 11 и VI, 16, 16

[67] Об этом Макробий говорит в I, 15.

QUOD EST SUPER OMNE NOMEN ET OMNE VERBUM: ИОАНН СКОТТ О БОГОПОЗНАНИИ В *ПЕРИФЮСЕОН**

В.В. Петров

Основная идея публикуемых здесь отрывков из первой книги трактата Иоанна Скотта *Перифюсеон*[1] – недосягаемость божественной природы для рационального познания. Основанием для этих рассу-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект 02-03-18063а.

[1] Об Иоанне Скотте см.: *Петров В.В.* Accessus Iohannis Scotti // *Иоанн Скотт Эриугена.* Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна. М.: Греко-латинский кабинет, 1995. С. 1–161; о трактате Перифюсеон: *Петров В.В.* Тотальность *природы* и методы ее исследования в *Перифюсеон* Эриугены // *Философия природы в античности и в средние века.* М.: Прогресс–Традиция, 2000. С. 417–479.

ждений служат положения двух работ Дионисия Ареопагита – "О божественных именах" и "О небесной иерархии", которые незадолго до этого Иоанн Скотт перевел с греческого языка на латинский. Греческий компонент присутствует в тексте наравне с латинским: помимо обсуждения вопроса о действенности имен и глаголов применительно к божественной природе, Иоанн Скотт рассматривает вопрос о приложимости к Богу категорий аристотелевской логики. Последнее весьма характерно: в эпоху "каролингского возрождения", когда и создавался трактат *Перифюсеон,* богословы активно осваивали для своих целей логику Аристотеля, которой придавалось исключительное значение[2].

Трактат построен в виде диалога между Наставником и Воспитанником. Вот краткое изложение содержания первой книги. Сначала (446A–451C) Иоанн Скотт доказывает, что никакая тварь, включая ангелов и святых, не созерцает Бога непосредственно, но только в теофаниях (богоявлениях). Затем (452A–457D) рассуждение возвращается к исследованию божественной природы: обсуждается, отчего она и творит, и творится; исследуется этимология греческого слова "Бог". Ставится вопрос о том, что́ такое Божественная природа: показано, что она трояка, говорится об отношениях трех ипостасей друг к другу. Иоанн принимает точку зрения Григория Богослова и делает вывод, что имена лиц Троицы – это имена "отношений".

Наконец, Воспитанник задает вопрос (457D), а все ли аристотелевские категории в собственном смысле сказываются о Боге? Ответу посвящена вся оставшаяся часть первой книги. Наставник говорит о том, каким образом в отношении Бога действуют nomina significativa вообще и категории логики в частности. Он объясняет, что любые имена сказываются о Боге не в собственном смысле, но метафорически, поскольку божественная сущность не выразима вербально (458C–460C), и говорит, что у греков существуют два вида богословия – катафатическое и апофатическое (458AB). Катафатическое наделяет Бога различными предикатами (Сущность, Красота, Благо), но не в собственном смысле, а метафорически. Апофатическое богословие, напротив, в собственном смысле отнимает у Бога все предикаты (Бог в истинном смысле не есть Сущность, Красота и т.д.). Тем не менее и катафатика, и апофатика не противоречат друг другу, но согласуются на более высоком уровне: если принять для Бога особые имена, которые начинаются с приставки "сверх-" (Сверхсущность, Сверхблаго), то такие наименования охватят обе ветви богословия (457A–462D).

После этого рассуждение переходит к аристотелевским катего-

---

[2] *Петров В.В.* Логика в системе каролингской науки // Вестник Международного Славянского Университета. 1998. № 4. С. 27–31; *Marenbon J.* From the Circle of Alcuin to the School of Auxerre. L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1981.

риям: дается их перечень (462D–463A); сказано, что категории, подобно прочим именам и глаголам, не достигают Бога, неприложимы к Нему (463B–464A). Вначале это положение подробно рассматривается применительно к каждой из восьми категорий: "сущности", "количеству", "качеству", "соотнесенному", "положению", "состоянию", "времени", "месту" (464A–469A). Параллельно исследуются свойства самих категорий. Соответствующие рассуждения сильно зависят от стоически окрашенной логики, как она представлена у Цицерона, в анонимном трактате Categoriae decem (составлен в кругу Претекстата, Рим, IV в.) и в De nuptiis Марциана Капеллы, а также в очищенных от стоических влияний логических трактатах Боэция. Иоанн Скотт разбивает все десять категорий на две группы: четыре категории принадлежат "стоянию", а шесть – "движению". В "стоянии" находятся "ΟΥΣΙΑ", "количество", "положение", "место", а в "движении" – "качество", "соотнесенное", "состояние", "время", "действие" и "претерпевание". В свою очередь, "стояние" и "движение" собираются в более широкой общности ΤΟ ΠΑΝ (469AB). Два вида имеется и у акциденций: те, что сказываются "вокруг сущности", – это ΠΕΡΙΟΧΑΙ ("место", "количество", "положение", "время"), а те, что находятся "в ней" – ΣΥΜΒΑΜΑΤΑ – это "качество", "соотнесенное", "состояние", "действие", "претерпевание" (470D–472A).

Попутно (500D–503A) говорится о материи и теле. Иоанн Скотт следует учению Григория Нисского, как оно сформулировано в *Об устроении человека* (гл. 21 и 24), показывая, что материя происходит от умного и нематериального, от схождения бестелесных качеств. Тела тоже возникают от соития бестелесных, от схождения нематериальных акциденций. Когда приходит срок, они опять разрешаются в бестелесное.

Чуть позже (503D–505A и 508BD) Иоанн Скотт возвращается к обсуждению двух последних категорий – "действию" и "претерпеванию", рассматривая их как акциденции "сущности". Он показывает, что у божественной природы не может быть акциденций, каковыми, в частности, являются "действие" и "претерпевание". Поэтому они должны сказываться о Боге лишь метафорически, но в этом и состоит основная трудность, ведь Писание и Отцы Церкви учат, что Бог "любит", "желает", "видит", а также "любим", "желаем", "видим" и проч.

Возникшая проблема заставляет уделить внимание (508D–510B) широко обсуждавшемуся в среде каролингских интеллектуалов вопросу о соотношении "авторитета" (т.е. сказанного в Писании и у Отцов Церкви) и "разума" (т.е. индивидуального рассуждения). Наставник заявляет, что искатель Истины должен следовать разуму, который не подавить никаким авторитетом. Безусловно, замечает он, Писание не может заблуждаться: цитируются слова Дионисия Ареопагита о том, что божественная сущность непостижима и о ней можно говорить только то, что явлено в священных Речениях. Нуж-

но лишь учитывать, поясняет Наставник, что Писание часто использует глагол не в собственном смысле, а аллегорически, и на более глубоком уровне постижения смысл сказанного может оказаться совсем не таким, каким он видится поверхностному восприятию. Более того, для того, кто знает истину, бессмысленно и противопоставление "авторитета" и "разума" (508D–510B). Истинный авторитет не мешает правильному разумению, а правильное разумение – истинному авторитету, поскольку оба они проистекают из одного источника, а именно – из божественной Премудрости (511B). Дионисий прав – о Боге ничего нельзя сказывать в истинном смысле, и предпочтительнее говорить о Нем путем неподобных образов и сравнений, поскольку последними сложнее обмануться (510B–512B). Но если о Боге в собственном смысле не могут сказываться имена, то не могут сказываться и глаголы, в частности, вышеупомянутые категории "действовать", "любить" и т.д. (513A).

Воспитанник опять просит подтверждения от авторитетов. Наставник напоминает ему слова Августина о том, что первое по природе обладает большим достоинством, чем первое по времени. Но первый по природе – разум, а по времени – авторитет, ведь авторитет происходит из истинного разума, но разум – отнюдь не из авторитета. Более того, "всякий авторитет, не подтвержденный разумом, представляется шатким, и истинный авторитет есть не что иное, как истина, разысканная силою разума и записанная святыми отцами для пользы потомков". Поэтому, подводит итог Наставник, сперва нужно рассмотреть вопрос при помощи разума (513AC).

Таким образом, начиная с 513C участники диалога возвращаются к рациональному исследованию двух оставшихся категорий ("делать" и "претерпевать"), которое продолжается до конца первой книги *Перифюсеон*. Цель Наставника – показать, что и эти категории неприложимы к божественной природе. В этом разделе обильно цитируется Максим Исповедник, в частности, принимается его положение о том, что вследствие своей природной ограниченности творение всегда движется и, если смотреть в корень, движется из Бога, как из Начала, к Богу, как к своим Цели и Концу (514C–516A). Наставник делает вывод: то, что лишено начала и конца, лишено и движения; раз Бог лишен и того, и другого, значит в Нем нет ни "делания", ни "претерпевания" (516AC). У Бога нет никаких акциденций, иначе Он не был бы прост. "Делание" Бога не является Его акциденцией: оно тождественного самому Его бытию (516C–518B). И все прочие глаголы, сказываемые в Писании о Боге ("быть", "волить", "делать", "любить", "приязнствовать", "видеть" и проч.), относятся не к акцидентальным "действованиям" Бога, но к самой божественной сущности и в ней они суть одно. В Боге, как в высшей простоте, не различаются "воление", "любовь", "желание", "видение", и соответствующие глаголы, будь то активные, пассивные или нейтральные, не обладают там никакой смысловой разницей

(518B–520A). Здесь Иоанн Скотт обращается за примерами к сочинениям Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника, доказывая, что, например, Бог "любим" не таким образом, что "претерпевает" от любящих Его, но "любим" так, что все влечется к Нему, тогда как сам Он остается неизменно неподвижным (520AC). Делается вывод: хотя сама по себе и в самой себе божественная природа неподвижна и вечно покоится, однако она "движет" все, поскольку посредством нее и в ней все вещи пребывают и выводятся из небытия в бытие (521BC). Бог есть и "любовь", и "любить", и "быть любимым", но в то же время Он не есть ни "любовь", ни "любить", ни "быть любимым", но Он – "больше-чем-любовь", "больше-чем-любить", "больше"чем-быть-любимым" (521C–522A). Бог выше любого делания, действия и бытия (524AB). Поэтому в богословии, заключает Иоанн Скотт, мы должны сперва согласно катафатике сказывать (не в собственном смысле, но в переносном) все вещи о Боге, а потом согласно апофатике (уже не в переносном, но в собственном смысле) отрицать, что Он есть все те вещи, которые сказываются о Нем. И уже на последнем этапе следует "сверхпрославлять сверхсущностную природу" путем провозглашения ее во всех отношениях большей, чем любое имя и сказывание (522AB).

* * *

Перевод выполнен по изданию:

Iohannis Scotti seu Eriugenae Periphyseon liber primus. Editionem nouam a suppositiciis quidem additamentis purgatam, ditatam uero appendice in qua uicissitudines operis synoptice exhibentur curavit Eduardus Jeauneau, CCCM 161. Turnhout: Brepols, 1996.

Печатаются фрагменты 446A–474B; 500C–524B. Вместе с опубликованными ранее отрывками[3] они образуют полный русский перевод первой из пяти книг трактата *Перифюсеон*.

ИОАНН СКОТТ

ПЕРИФЮСЕОН

КНИГА ПЕРВАЯ

446A ВОСПИТАННИК. Вполне достаточно, хотя меня несколько смущает сказанное, как кажется, Августином в его *Шестодневе*[1], а именно, что ангельская природа была создана прежде всякого творения не по времени, но по достоинству, а потому созерцала изначальные причины (т.е. первоначальные образцы, которые греки

[3] См.: Философия природы в античности и в средние века. С. 480–516.